

Сохранять рукописные богатства

Письменность — богатейшее достояние народа, накопленное и сохраненное им в течение многих веков.

Богатый и древний письменный наследием обладают многие народы СССР — народы Армении, Грузии, Молдавии, Средней Азии.

Рукописи переписывались в самых различных кругах населения. В числе владельцев и переписчиков русских, украинских и белорусских рукописей мы найдем не только попов и дьячков, но и «посельских людей» (горожан), стрельцов, крестьян.

Как же хранятся и учитываются рукописные богатства? Вопрос этот далеко не праздный. Достаточно сказать, что в совсем недавнее время из наших музеев и библиотек исчезли некоторые уникальные памятники письменности.

В хорошем состоянии рукописи находятся в центральных библиотеках, музеях и архивах Москвы, Ленинграда, Еревана и некоторых других городов.

Но в том же Ленинграде немало случаев недостаточной прокуманной обработки с рукописными богатствами. Здесь находится одно из наиболее замечательных собраний рукописных документов — отдел древних рукописей и актов, которым ведет Институт истории Академии наук СССР.

Одно из лучших мировых собраний восточных рукописей сосредоточено в Ташкенте. Здесь имеются драгоценные, уникальные документы. Но само собрание помещается в двух плохоньких комнатах, заставленных шкафами и стеллажами.

Изучение местных хранилищ может привести к совершенно неожиданным и чрезвычайно интересным результатам. Летом этого года в архиве б. Кырлядово-Белозерского монастыря я нашел особую редакцию («написание») произведения Даниила Заточника XII—XIII вв.

Размышления у газона

Шел бы было летним утром по Ленинградскому шоссе столицы. Видишь, как убралась и умылась широкая асфальтовая магистраль, и сердце радуется: насколько машины облегчили труд человека!

Подходим к многоэтажному дому, построенному по последнему слову строительной техники. В доме — скоростные лифты, автоматическая телефонная станция, пневматическая почта...

Какие контрасты! С одной стороны — новейшая техника, а с другой — самый примитивный труд.

Есть в Москве такое учреждение — Мослесеннаб. Обратился я к его работнику Н. Дрожжину с вопросом: Почему у нас не выпускают газонокосилок? Неужели в дальнейшем будут стричь газоны ножами?

— Нет, — ответил тов. Дрожжин. — И ножики теперь не будут. Вы видели ножики для стрижки овец, а овец сейчас стали стричь электричеством.

— Чем же подстригать газоны? Ответа не последовало.

Тысячи колхозников, рабочих и служащих имеют приусадебные хозяйства. Тысячи любителей — садоводов и цветоводов отдают свой досуг работе в саду, на огороде.

Всякое руководство по садоводству и цветоводству начинается с перечня необходимых инвентаря. Вы видите в магазине в Москве (в столице!) простой стальной штырь, чтобы сделать лунку в земле. Вы не достаете хорошего садового ножа для прививки. Химики дали нам прекрасные средства по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, но вы не найдете хорошего садового опрыскивателя.

Принудительное воспитание вкуса

Странное впечатление производит на заезжего человека одобразие вкусов в Захаровском лесопункте Казанского района Красноярского края. В какой-то из зданий, на столе незаметно увидишь портрет Гоголя, а на стене — расплывчатую картину Шишкина «Утро в сосновом лесу».

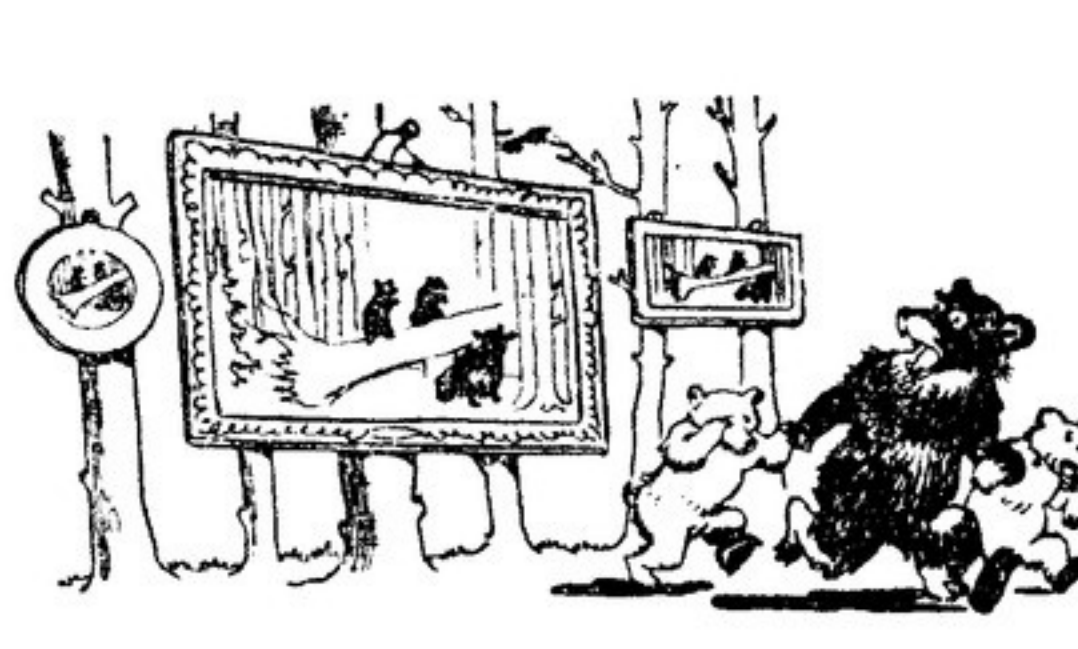

Рис. В. Фомичева

Конечно, это не так. Но все было в том, что районный культмаг вот уже более года не может предложить покупателю никаких портретов, кроме Гоголя, и никаких других художественных изделий, кроме тарелки с очень милыми, но уже весьма надоевшими нам мелочевками из старой, пожелтевшей со временем, порцеланы.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОТИШЕ, ТОВАРИЩИ МАШИНИСТЫ!»

19 ноября 1953 года в «Литературной газете» было опубликовано письмо архитектора Д. Масленникова «Нельзя ли потише, товарищи машинисты!». 28 января 1954 года — письмо Г. Сафонова «Голос паровозной машинистки». Читатели писали о том, что оглушительные гудки паровозов мешают работать и отдыхать людям, живущим вблизи железных дорог, и предлагали перестроить систему сигнализации.

Как сообщил редакция начальник Главного управления локомотивного хозяйства Министерства путей сообщения СССР тов. Н. Черепашев, в ближайшем же месяце на всех паровозах Московского узла будут установлены свистки малой мощности для подачи сигналов в черте Москвы и пригорода. Опыт москвичей будет обобщен и затем использован на железнодорожных узлах других городов.

Не называя фамилии

С заводской газеты глядело на Тоню ее собственное лицо, со вздернутым носом и широко раскрытыми глазами. Потом по радио сказали, что Тоня и Оле присвоено звание лауреатов Сталинской премии за внедрение новых методов труда, и все бросились поздравлять их. Воле станка стали часто появляться корреспонденты газет и журналов. Она подолгу беседовала с девушками, шелкали фотоаппаратами. Она очень сердита, что их обеих все время отрываю от дела, заставляя рассказывать об одном и том же. Однажды она попросила:

— Ты уж, Тонечка, ступай, поговори, а я за двоих останусь... Тоня согласилась. Сначала стеснялась, краснела. Потом втянувшись, научилась говорить неестественно бодрым голосом, оглушительно хохотала, рассказывая о забавном случае (всегда по один и тот же), изучено умалывая перед объективом фотоаппарата. А Оле спокойно и неторопливо работала.

Постепенно все привычки, что всюду ходит Тоня, что обо всем рассказывает Тоня, «она побойчее», — услышала как-то Тоня о себе. И, вернувшись к станку, оживленная, опытная успехом, внезапно почувствовала снисходительную жалость и легкое презрение к подруге. «Ничем не интересуется наша Оле. Все работает да работает...» Теперь, когда Тоню спрашивали о подруге, она отвечала:

— Оле беседовать с вами не будет. Она не сумеет толком рассказать. Она у нас не бойкая... На различные собрания, активы, конференции приглашали, конечно, и Оле и Тоню. Но Оле оставалась в тени. Каким бы интересным не было собрание, Оле неизменно покидала его за полчаса до начала сессии, чтобы успеть осмотреть станок, подготовить рабочее место. А Тоня не уходила. Она сидела в президиуме, нарядная, горделиво оглядывая зал.

Однажды старый мастер появился за кулисами и поманил Тоню пальцем. Тоня тихонько выбралась из-за стола президиума. Мастер был рассердечен. — Почему не на работе? — спросил он резко. — Отыла одна парится, а ты тут прохлаждаешься...

Раньше Тоня боялась старого мастера, который знал ее еще девочкой, учил и наставлял на путь истинный. Но на этот раз она сочла возможным возмутиться: — Я же в президиуме! Как же я уйду? — Эх ты... Ну, ступай! — неожиданно сказала мастер, повернувшись и ушел. Тоня сконфузилась. Она вернулась на сцену, но уже не могла сидеть спокойно. Шелки горели, девушка готова была заплакать от обиды. Когда собрание кончилось, она пошла не в цех, а в кабинет комсомола, который, дескать, мешает ее общественной активности, запрещает ходить на собрания. Секретарь комитета обещал тотчас же рассказать о «возмутительном факте» секретарю цеховой партийной организации. — Не горюй, Тоня, заступимся, не дадим в обиду, — хором заверяли Тоню активисты заводского комсомола.

Правда, кто-то из тонинных товарищей спросил: — А почему ей в самом деле все время на собраниях сидеть? Да еще когда в цехе работа жалет... Однако защитники тонинной славы поспешили одернуть сомневавшегося. Тоня торжествовала, хотя на душе у нее было неспокойно.

В тот день она пришла в цех уже к концу смены. Оле ничего ей не сказала. На стеллажах лежали готовые детали: сменное задание обеих девушек, как всегда, было выполнено. Старого мастера вызвали в бюро партийной организации и «вразумляли» до тех пор, пока тот вдруг не стукнул кулаком по столу: — Губите человека! Я ее учил, а теперь глядеть противно, что с ней выделывают. Вскружили девочке голову, она зазналась и учиться даже не желает. Штатный член всех президиумов!

Тут было над чем задуматься. На другой день пришли уговаривать Тоню: — Поступи в вечернюю школу. Подожди семилетку закончить. Та по привычке жеманичилась: — Работы много. Какая из меня отличница? Авторитет потеряю... Посещать занятия ее все-таки уговорили, но училась девушка из рук вон плохо, была невнимательна, домашних зада-

ний не выполняла, а когда педагоги делали ей замечания, обиженно приподнимала брови: — Вы же знаете, как я занята! Замучили совсем! То беседы на заводе, то выезд на другое предприятие, то книгу об опыте составлять надо.

Маневр удался: натягивая отмазки, переполнила Тоня из класса в класс — неудобно, знаете, ронять авторитет знатного человека, лауреата... Однажды девушка предупредила, что завтра им предстоит выступить с подробным рассказом о своем опыте. Весь вечер они с Олей просидели над планом беседы; хотелось попросту поделиться с людьми, как было тяжело сначала, как все не клеилось и как потом шаг за шагом добились они успеха. Утром Тоня пришла в заводской комитет, чтобы в последний раз посоветоваться:

— Вот посмотрите. Может, что неладно? Председатель звонком успокоил Тоню: — Готова твоя беседа, двое инженеров потрудились. Мы тебе не дадим авторитет уронить! Чужая бумажка была написана глупенко, ровнехонько, и Тоня решила: очевидно, так надо, так и должно быть. Она бросила составленный с Олей план беседы и решила, в самом деле, не вспоминать о трудностях, о неудачах — пусть будет так, как хотят ее «наставники».

На каком-то заводе Тоню попросили выступить прямо в цехе, на рабочем месте, в обеленный перерыв. А как же бумажка, написанная инженерами? — Это невозможно, — категорически ответила Тоня. — Без подготовленного плана я не выступаю...

Оля рассказала по секрету, что собирается замуж. Тоня знала ее жениха, хорошего заводского парня, с которым они давно дружили. Но Тоня сморщила нос. — Простоят он, Эх, Оля, все-таки не бойкая ты! Надо по себе искать... Тоня нашла «себя». Тоже новаторка, скоротелка, известное человека. Но она не поинтересовалась, поговоришь Тоня правду в лицо не решилась — пускай, «само личное». И только старый мастер, который потопилки принял Тоню из школы фанричного заводского ученичества, вынул ее, привел к славе, — только он, не колеблясь, и на этот раз вмешался в тониню жизнь. Вечером он пришел в ней, сед и тихо спросил:

— А ты знаешь, что жевать он? Что лопать? Может, поспешила, не подумала?.. — Мы с ним пара, — отрезала Тоня, — а дочка, что ж, будет алименты платить... Она говорила резко, и мастер ушел, повторив на прощанье свое тяжелое слово: «Ну, ступай!».

Будущий супруг сумел поднажать где надо, — развод был оформлен, и Тоня переехала к мужу. Неприятно начинать семейную жизнь со встречи с бывшей женой своего мужа, с взрослой дочерью его, но сознание, что, наконец-то, она нашла свое «пару», позволило Тоне держаться независимо. После замужества Тоня перестала выезжать на беседы. Она даже на работу перестала ходить регулярно, высказывая разные предлоги и причины для устройства домашних дел.

В цехе, на доске, где ежедневно отмечались показатели за день, пришлось стереть тониню фамилию — неудобно вывешивать цифры недельной давности! Потом Тоня ушла в декретный отпуск, а вернувшись, заявила в завкоме: — Я не могу сейчас работать. Я должна воспитывать ребенка. — Постой, — возразила ей, — у нас же сотни матерей прекрасно работают, а детишки от этого не испытывают никаких неудобств. Ведь на заводе есть ясли! — Мою дочь в ясли? Да вы понимаете, с кем вы говорите? Тоня выдвинула требование: — Дайте мне отпуск на год. Отдохну, потом вернусь на работу...

Как ни привыкли на заводе к тонинным фокусам, но это уже противоречило всем существующим законам — в отпуске на год отказали. Тогда Тоня побегала жаловаться в министерство, в ЦК профсоюза, «Недооценка», «неучетность», «формализм», «роняют авторитет», — говорила она всюду, и посылку создавались авторитетные комиссии. Комиссии выезжали на место и убеждали: Тоню жалут на заводе. Ее комната, несмотря на нехватку жилья в рабочем поселке, стоит запрета, одилая хозяйка. Комиссии возвращались обратно, а через день-другой снова приходили гневные тонинны письма, вызывавшие о помощи.

Мы решили поехать к Тоне, чтобы выслушать, какая же ей нужна помощь. Она сидит перед нами и тинет плаксивым голосом: — Вот видите, как вопила. Родила дочь, а теперь никому не нужна... — Разве вам отказывают в работе?

Нам не известно, как держался этот пожелтый человек в другой обстановке. Возможно, ходил он по коридорам своего учреждения с независимым видом, может быть, отличался поэтической мечтательностью. Но здесь, в камере хранения багажа на Курском вокзале, он озирался по сторонам, втянув голову в воротник демисезонного пальто. Лучший момент, когда народу было поменьше, он торопливо подал квитанцию и паспорт тети, на имя которой был адресован багаж. Через несколько минут, вместе с шофером, он уже тащил старомодный, кованный железом сундук.

Случилось, однако, так, что получателю багажа неожиданно пришлось изменить маршрут. Нет, не по своей воле, а по инициативе работников милиции. В одном из столичных отделений милиции мы и познакомились с содержимым кованого сундука. При этом, конечно, присутствовал и владелец багажа — А. Василенко и его жена Т. Василенко, которая специально была «командирована» в Тюмень, откуда и сопровождала таинственный груз. Из глубины сундука было извлечено большое количество лаковых кож.

Некоторое время спустя были задержаны и соучастники сундуков Василенко — Азария, братья Чахоян и Хаджи, которые готовили к отправке в Тюмень откровенную партию замшевых кож. Так была разоблачена группа спекулянтов, которые на протяжении нескольких лет устраивали «операции» с лаковыми и замшевыми кожами.

Как же такой Василенко? Отсталый человек, не владевший ни элементарными нормами поведения советского человека? Нет. Инженер гидрогеологического треста Александр Павлович Василенко не прочь был при случае поговорить об этике и морали человека нового общества. Его считали хорошим специалистом своего дела.

Кстати говоря, непонятно, как это друзья-приятели, не раз сидевшие с ним за обильным домашним столом или в ресторане, не задавали себе вопроса: откуда у Василенко такие доходы? Впрочем, некоторые догадывались, что средства для жизни на «широкую ногу» достаются Василенко нечестным путем, но предпочитали молчать: «не наше дело», «не пойман — не вор», «кому надо будет, тот разберется».

Василенко — спекулянт и тунеядец; сейчас это ясно всем. Но не кажется ли тем, кто делил с ним трапезы, что знали догадывались о махинациях спекулянта, что и сами они выглядели довольно неприглядно — вольными или невольными защитниками и пособниками мошенника.

Чужда нашему обществу обязательская позиция: «моя хата с краю», — законное негодование вызывает людей, сделавших девизом жизни эту вредную «премудрость». Да, разные бывают формы соучастия и покровительства тунеядцам. Заблудившийся кадровой Омского политехнического института Владимир Владимирович Малахов — тот даже оскорбился, когда работники милиции сказали ему, что пользоваться услугами проходимцев — значит поддерживать их. А сказали ему так на следствии по делу шайки спекулянтов-меховщиков.

Какая жем тут подержка? — обиделся он. — Я просто нашел человека, который устроил меховую шубу жене. Стоит она 2.753 рубля, а заплатил я ему 6.500... Любимая селетка, не больше!

Педанты органы милиции задержали группу спекулянтов, перепродававших меховые изделия. У них были конфискованы большие суммы денег и много ценностей. В качестве свидетеля в отделение милиции была приглашена и Евросиния Федоровна Козлова — жена начальника одного из отделов Министерства сельского хозяйства.

Без учета интересов народных масс походит иногда в эти дела и Верховный суд РСФСР, отменивший в последнее время ряд решений народных судов в отношении заявляющих спекулянтов, перепродававших товары, и места в очереди, и чехи... Иногда поражешься равнодушию, с которым относятся в эти типы органы милиции и домоуправления. А ведь кому, как не им, нужно было бы знать, на какие доходы живут даяльщики...

Спекулянт — один из тяжелых пережитков прошлого, подрыв благосостояния народных масс и, по существу, посягательство на социалистическую систему хозяйства, на интересы трудящихся. Оставаться равнодушным к этому злу — значит усугублять его, игнорировать интересы народа.

Вывод? Вывод один: нельзя потакать ни «большим» ни «малым» спекулянтам, ни тем, кто притесняет их («кулушар»). К. ЦЫПЛЕНКОВ

«Перекон» ушел на юг» ВЛАДИВОСТОК (Наш корр.). В конце 1941 года из Владивостока вышел на юг советский торговый пароход «Перекон». На безоружное мирное судно напала большая группа японских военных самолетов и потопила его. Из сорока членов экипажа восемь человек погибли, 21 был тяжело ранен. Оставшиеся в живых советские моряки на шлюпках покинули горящее судно и после нескольких суток тяжелого пути высидели на один из малообитаемых островов Малайского архипелага — Большая Натуна (северо-западнее Борнео).

Оставшись без крова и пищи, моряки стойко преодолевали все трудности, выпавшие на их долю. Была создана партийная организация, которая крепко спаяла небольшую коллекцию советских людей, оторванных от Родины.

Время оккупации Японией островов юго-восточной Азии моряки были интернированы и лишь после войны вернулись на Родину.

Приморский писатель, бывший моряк Василий Кучеряков заканчивает работу над книгой «Перекон» ушел на юг», посвященной этим событиям. В начале декабря прошлого года в краевой газете «Красное знамя» был опубликован отрывок из его повести, после чего автор стал получать письма от бывших членов экипажа «Перекона». Многие из них стали за это время капитанами, помощниками капитанов, механиками; они дополнили собранный писателем материал.

Обсуждение стихов К. Симонова Недавно в Центральном доме литераторов К. Симонов читал новые стихи, написанные им за последнее время. Они составят вторую книгу «Друзья и враги», часть которой посвящена заграничным поездкам и впечатлениям поэта, а другая часть — жизни советской страны.

Стихи были тепло встречены аудиторией. В обсуждении приняли участие С. Шпацев, Л. Ошанин, А. Яшин, Н. Доризо, М. Максимов, В. Захарченко и другие. Выступавшие отмечали, что лучшие стихи — «В гостях у Шоу», «Переправа через Янцзы», «Вдова» и «Третий друг» — это значительные явления поэзии. По поводу некоторых стихотворений были высказаны критические замечания. Ирина ВОЛК

Вопросы изучения творчества А. М. Горького

Совещание в Институте мировой литературы

Закончилось продолжавшееся четыре дня совещание по изучению творчества Горького.

На заседании 21 апреля первым выступает А. Богуславский. Вопрос о традициях Горького в советской литературе, говорит он, разрабатывается нашим литературоведением очень слабо, причем совершенно не уделяется внимания вопросу о традициях Горького в советской драматургии. Глубокое и систематическое изучение всего круга вопросов, связанных с традициями Горького в советской драматургии (о конфликте, о характере, языке и т. д.), может способствовать делу ее дальнейшего развития и творческого роста.

Г. Краснов (Г. Горький) отмечает, что некоторые литературоведы (С. Касторский, А. Мясников и др.) не раскрывают всей сложности идейно-творческого пути М. Горького, представляя его чуть ли не с самого начала законченным, зрелым марксистско-ленинцем. Серьезные ошибки, допускаемые М. Горьким, становятся при этом необъяснимыми. Не раскрывается по-настоящему значение борьбы Ленина и Сталина, Коммунистической партии за Горького. В заключение Г. Краснов сказал о том, что руководство Института мировой литературы недооценивает коллективную работу литературоведов всей страны по изучению творчества Горького.

С. Шешук считает неправильным освещение проблемы традиций и новаторства в книге Б. Михайловского и Е. Тагера «Творчество М. Горького». Вопрос о традициях в этой книге поставлен, но в большинстве случаев решается на принципиально неверно (особенно в первой части, написанной Б. Михайловским); получается, что Горький уже в первых своих рассказах превзошел всех классиков русской литературы.

Традиция русской реалистической литературы представлена на многих страницах книги в таком мрачном свете, что Горькому в связи с этим ничего не остается, как скорее забыть о этих традициях. Авторы книги не понимают, что героика Горького, отражая революционную борьбу пролетариата, в то же время является закономерным развитием героической темы классической русской литературы XIX века.

Вторая ошибка авторов книги в трактовке традиции заключается в том, что они часто сопоставляют Горького с классиками в плане социальных и политических проблем, взятых абстрактно, без учета специфики художественного творчества. Назвать их образной тканью произведений, эти проблемы теряют все богатство конкретной жизненности, исторической неповторимости, изумительной прелести художественного воплощения.

Основная причина ошибок коренится в неверном взгляде авторов на критический реализм, как реализм, все разоблачающий и ничего не утверждающий, как реализм без идеалов, без героики, без положительного характера. Пора, давно пора освободиться от недооценки заслуг предшественников Горького.

Я. Назаренко (Могилев) ставит вопрос о необходимости издания академического собрания сочинений М. Горького. Он отмечает также, что огромное количество горьковедческих работ не издается, покоится в хранилище Ленинской библиотеки.

Политическим позициям раннего Горького (до 1905 г.), взаимоотношениям между М. Горьким и А. Серафимовичем посвящает свое выступление И. Попов-Серафимович.

М. Сурина (Ярославль) подчеркивает ответственность горьковедов перед всесоюзным советским читателем. Недостатки книг отражаются, как в зеркале, в восприятии студентами, учащими школ, учителями. Выступлению С. Шешукова вызывает чувство неудовлетворенности, так как он не сказал о существе вопроса, не раскрыл, как сам понимает вопрос о классическом наследии. Серьезные замечания вызывают книги А. Волкова, которым присущи выверенность писателя, выверенный подход, отсутствие определенной концепции.

«Вла ли не самым запущенным участком нашего горьковедения является изучение биографии Горького», говорит И. Эвентов (Ленинград). Связь Горького с жизнью освещается только в ранний период. Как только Горький становится писателем, его сопереживание с действительностью как бы теряется. Неразработанностью биографии Горького в значительной степени объясняется то, что мы не имеем очерка, который содержал бы систематическое изложение важнейших фактов и целостное представление о Горьком как о человеке, писателе и гражданине. Не случайно, что все книги, вышедшие за последние годы, представляют собой не целостные исследования, а сборники статей (в открытом виде, как у С. Касторского, или в нескольких скрывающих — у А. Волкова, А. Мясникова). Хорошо, что в критико-биографических сериях Гослитиздата и «Советского писателя» имеются очерки об А. Толстом, Фурманове, Эренбурге, Крылове, но нетерпимо, что нет очерка о родоначальнике советской литературы — Максиме Горьком.

И. Эвентов останавливается также на вопросе о разработке горьковской библиографии, на состоянии текстологии, на некоторых недостатках 30-томного издания сочинений писателя.

В своем выступлении С. Данилов говорит о необходимости серьезно заняться изучением сценической истории произведений Горького в театрах наших братских республик. С. Данилов призывает ликвидировать имеющиеся еще разобщенность горьковедов, объединить все литературоведческие и театроведческие силы для успешного разрешения вопросов, связанных с драматургическим наследием Горького.

Связь Горького с румынской литературой посвящает свое выступление Ю. Кожеников. Одним из важных вопросов он считает вопрос о творческом освоении Горьким румыно-молдавского фольклора, изучение которого могло бы дать интересные материалы для характеристики художественных особенностей ранних произведений Горького. Ю. Кожеников говорит также о влиянии Горького на румынскую литературу. Не в прямых аналогиях, не в механическом переносе горьковских сюжетных линий и образов заключается огромное творческое влияние писателя на румынскую литературу. Горьковские принципы творчества — вот что главное, вот что помогает румынской литературе развиваться по пути социалистического реализма.

Я. Билинис (Тарту) отмечает как один из серьезных недостатков последних

монографий о Горьком то, что в большинстве из них не дается внутренней логики творческого развития писателя: получается, что Горький, давая все новые и новые картины жизни, шел, так сказать, шире, и не показывается движения вглубь. Многие произведения Горького представлены в этих работах так, будто они написаны в развитии старых мыслей, а не в связи с дальнейшим внутренним развитием Горького, углублением его подхода к жизни.

— Нам необходимо значительно расширить проблематику горьковедения, — говорит И. Гуртов (Минск), — особенно за счет таких проблем, как Горький и вопросы теории литературы, Горький и писательское творчество, Горький и художественное мастерство Горьково-Пола, новеллиста, драматурга и т. д. Нужно разбирать, изучать и такие частные вопросы, как, к примеру, композиция и стиль отдельных рассказов, идейно-художественная функция пейзажей, своеобразные конфликты, мастерство литературного портрета и т. п.

И. Груздев (Ленинград) ознакомил собрание с рассказом А. М. Горького «Сора», который считался до последнего времени утерянным и обнаружен исследователем в номере «Одесских новостей» от 18 апреля 1899 года.

Мне представляется правильным, говорит Б. Вязик, что первое слово широкого совещания горьковедов сосредоточено свое внимание на нерешенных задачах. Естественно поэтому, что мы говорим здесь больше о недостатках, мешающих нашей дальнейшей работе. Жаль, что мы не услышали на этом совещании обобщающего выступления о той интересной и кропотливой исследовательской работе, которую проводят наши товарищи во многих городах Союза.

Следует продумать такие формы сотрудничества, которые позволят обобщать то, что делается всем большим отрядом советских горьковедов. Несомненную пользу в этом отношении принесут нам подобные совещания, если они будут введены регулярно с постановкой конкретных, наиболее острых, наиболее проблематичных вопросов. Необходимо также превратить «Горьковские чтения» в печатный орган всесоюзной горьковской мысли.

Рассказав о своих прежних ошибках в трактовке проблемы социалистического реализма, Б. Вязик отметил, что за последние годы горьковеды мало продвинулись в теоретическом осмыслении социалистического реализма. Вместо старых схоластических построений явились новые, не менее ошибочные. Так, например, утверждение А. Тарасовича о том, что социалистический реализм возникает лишь после победы социалистической революции, противоречит живой истории нашей отечественной литературы, — вспоминаю хотя бы «Мать» Горького, появившуюся задолго до Октябрьской революции.

Б. Вязик говорит также о неверном понимании литературоведом романтизма в произведениях раннего Горького. Он критикует в этой связи книгу А. Волкова, который в таких рассказах, как «Видар Кудра», «Старуха Изергиль», «Материнская душа» и «Обращение» — в фигуре рассказчика. Думается, мы путаем две вещи: творческий метод писателя (при всей его сложности и противоречивости оставшийся все же в единственном числе) и жанровые и стилистические формы, которых у писателя может и должно быть много, если перед нами действительно настоящий художник. Следует подробно разбираться в вопросе о том, что такое романтизм как элемент творческого метода и романтика как стилистическое начало.

Огромным тормозом нашей работы является то, что в своих исследованиях о Горьком мы часто возвращаемся в заколоченный круг одних и тех же наблюдений и выводов. Есть даже несколько десятков непреходящих цитат, являющихся принадлежностью каждого исследования. Беда не в том, что привлекательны известные цитаты классиков марксизма, а в том, что эти величайшие мысли не становятся руководством к углубленному изучению, а используются, как способ обойтись без него.

О недостатках в нашей работе надо говорить открыто, полным голосом, взаимная амнистия не принесет нам успеха. Нельзя, например, закрывать глаза на то, что главный недостаток книги А. Мясникова о Горьком — не в тех или иных частностях, а в том, что это компилятивная работа. Что касается исследования А. Волкова, то в последние годы он, к сожалению, не добавляет ничего нового к своим старым статьям.

О необходимости глубокого раскрытия драматических произведений Горького говорит И. Раевский.

К. Муратов (Ленинград) считает, что в книгах о Горьком, появившихся в последние годы, искусственно умалчивается тема ранних его рассказов о «бывших людях». При этом Б. Михайловский и некоторые другие цитируют творчество раннего Горького из классических традиций, связывая его с Помяловским, Решетниковым, Успенским. Между тем следует помнить, что сам Горький не пожелал включить в собрание своих сочинений многие из ранних произведений, казавшиеся ему несамостоятельными, неоригинальными.

Главный режиссер Московского театра сатиры П. Васильев, рассказав о постановке им на сцене Ярославского театра имени Волкова пьесы Горького «Сомов и другие», отметил поверхностный характер некоторых литературоведческих работ, которые весьма затрудняют задачу актеров тем, что при трактовке образов горьковских драматургов упрощенно делают их на положительные и отрицательные.

Слабое освоение горьковского наследия, отметил Е. Тагер, особенно сильно сказалось в отсутствии глубоких, интересных работ по анализу мастерства произведений великого писателя. В книгах и во многих диссертациях бесконечно повторяются одни и те же общие положения, нет движения вперед в осмыслении художественных богатств горьковского наследия.

О широких связях Горького с французской литературой и его влиянии на творчество прогрессивных французских писателей говорил в своем выступлении Э. Петросьян (Ереван).

Рассказав о деятельности Горького как

литературного критика и подчеркивая ее огромное влияние на развитие советской литературы, Д. Гроссман говорит, что проблемы, связанные с критической деятельностью Горького, еще очень слабо разрабатываются нашим литературоведением.

22 апреля первым слово получает Ю. Прокушев, указавший на необходимость глубокого, всестороннего изучения проблемы — Горький и Маяковский, особенно их взаимоотношений в послереволюционный период, о которых обычно умалчивают. Сопоставление творчества Горького и Маяковского после революции позволяет выяснить, что единый метод социалистического реализма своеобразно проявлялся в творчестве этих крупнейших представителей советской литературы, что основные вопросы своего времени Горький и Маяковский решали различными средствами.

Б. Пирадов (Тбилиси) посвятил свое выступление недостаточно изученному до сих пор периоду жизни А. М. Горького, предшествовавшему появлению в печати его первого произведения. Он привел ряд обнаруженных им в архивах Грузии новых данных об этом периоде жизни Горького.

Выступивший затем Йозеф Кадлец (Чехословакия) говорил об огромном значении творчества М. Горького для литературы творчества Ивана Ольбрахта, Марины Майеровой, Петра Илемничко и других. Наши писатели, продолжает Йозеф Кадлец, очень хорошо сознают, что без освоения богатого опыта Горького невозможно решить современные вопросы литературы.

Далее он сообщает интересные материалы о пребывании Горького в Чехословакии в 1923—1924 гг.

Трудящиеся Чехословакии, строящие счастливую жизнь в своей стране, говорят о нем в заключение, считают Горького своим писателем, они помнят слова великого сына нашего народа Юлиуса Фучика: «Своим литературным творчеством Горький боролся вместе с нами и за наше дело...»

Н. Матвейчук (Дьон) остановился в своем выступлении на вопросе об изучении художественного мастерства Горького, о традициях устного народного творчества в его произведениях.

— Каждый раз, когда я вхожу в этот зал, мой взгляд останавливается на фотографии Горького и Димитрова, — говорит Василь Колески (Болгария). — Символической является эта фотография — свидетельство дружбы Горького и Димитрова. Громадная роль Горького в воспитании лучших людей нашего народа, великое его значение для нашей литературы.

Вопрос о влиянии Горького на литературу других народов нуждается в серьезной разработке. Однако в некоторых статьях, например, в статье Д. Маркова «Горький и болгарская литература», упрощается вся сложность исторического и культурного развития. Зачастую то, что является содержанием жизни данного народа, нашешим отражением в творчестве его лучших писателей, просто приписывается влиянию. Основной вопрос, который должен быть решен при определении влияния Горького на болгарскую литературу, — продолжает Василь Колески, — это роль великого писателя в становлении метода социалистического реализма.

В заключение он напоминает о той большой ответственности, которую несут советские литературоведы и критики: ваши успехи являются и нашими успехами, успехами всех прогрессивных деятелей, жалею следящих за всем, что пишется и издается в Советском Союзе. Но нужно помнить также, что ваши ошибки могут помешать работе писателей и критиков за границей.

М. Шаталин (Семипалатинск) остановился на пьесе Горького «На дне», которую, по его мнению, неправильно толкуют многие наши горьковеды.

Своими наблюдениями о глубокой и живой заинтересованности Горького судьбой молодого советского кино поделился И. Вайфельд. «Главное — люди, — сказал Горький на одной из бесед с киноработниками. — Ведь у вас в кино и человек и жизнь за рамку не спрячешь и в худшем не убежит, так что у вас за человека и за жизнь ответственность большая, чем, например, в театре — и это ясно. Особенно за нашего человека и за нашу жизнь».

Отчетливо понимая, что отсутствие действия является величайшей опасностью для кинематографии, Горький заметил как-то по этому поводу, что без действия кино «сломает себе зубы». Неудачи многих наших кинофильмов последних лет, заключает И. Вайфельд, покапали, что режиссеры и сценаристы, отступившие от этого принципа искусства, нанесли глубочайший вред делу дальнейшего развития советского кино.

А. Бушин (Ленинград) указывает, как на один из существенных недостатков нашего литературоведения, на чрезмерное освещение односторонне освещаемыми проблемами, что приводит в конечном итоге к неглубокой их разработке. На этом совещании намечалась опасность того, что мы опять излишне увлечемся вопросом о традициях и новаторстве. Мы забываем, что искусство прежде всего — отражение действительности, только помня об этом, можно правильно найти решение вопроса о традициях. Эта утрата правильной перспективы заметна и тогда, когда говорится о влиянии Горького на советскую литературу. Если вали критико-биографические очерки и рефераты на эту тему, то почти всех советских писателей превращают у нас в простых подражателей Горького.

Недостатки и ошибки горьковедения А. Караганов видит в недостатках нашей художественной практики. С недостатками художественной и критической практики связано и появление многочисленных статей о Горьком, в которых на разные лады склоняются понятия — идеяность, реализм, народность. Все эти важные принципы превратились в начесанные толкования в своего рода заклинания.

В. Лазарев (Сталинград) поддержал мнение других выступавших, говоривших о трудностях, встающих перед горьковедом при работе в тех случаях, когда приходится пользоваться архивом М. Горького. Выступивший вторично Б. Михайловский подверг критике работу А. Мясникова «М. Горький». Однако он не ответил на критические замечания, прозвучавшие на совещании в его собственный адрес.

После выступления Б. Рюрикова, говорившего о некоторых задачах изучения творчества Горького, и заключительного слова В. Щербина, председательствующий И. Андимов объявил совещание закрытым.

Вручение международной Сталинской премии „За укрепление мира между народами“ американскому писателю Говарду Фасту

Вчера в Нью-Йорке в отеле «МакАльпин» состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» активному борцу за мир, выдающемуся американскому писателю Говарду Фасту.

В «Хрустальном зале» отеля собрались представители передовой американской общественности — деятели профсоюзной, Нью-Йоркских организаций и комитетов защиты мира, представители прогрессивных общественных организаций и печати. Среди присутствующих — председатель Национального Совета американско-советской дружбы Кингсбери, член Национального комитета Коммунистической партии США Элизабет Финн, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Поль Робсон, известный американский писатель Майкл Голд, писательница Шерри Грехэм, редактор журнала «Нью-Йорк ревью» Джессика Смит, редактор журнала «Массис энд нейстризм» Самюэль Силлен, секретарь Национального комитета прогрессивной партии Болдуин, профессор Файрчайлд, профсоюзный лидер Луис Вейнштейн и многие другие общественные деятели Соединенных Штатов.

Лауреата международной Сталинской премии поздравляли представители посольства СССР в США, заместитель постоянного представителя СССР при ООН С. Б. Царапки, постоянный представитель Чехословакии при ООН Носек.

Шесть часов вечера. На трибуну поднимаются Говард Фаст, д-р Уильям Дюбуа и видный прогрессивный общественный деятель священник Мелиш.

Мелиш оглашает постановление Комитета по международным Сталинским премиям от двенадцатого декабря тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, которым Говарду Фасту присуждается международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами».

Присуждение премии миссу Говарду Фасту, говорит Мелиш, это огромная честь для нас, американцев. Оно означает, что граждане Советского Союза, Комитет по международным Сталинским премиям, являющийся международным жюри, большая часть мира признают неодолимое стремление американцев к миру, воздают честь той Америке, которая неустанно борется за прогресс и мир. Присуждение премии миссу одному из наших соотечественников означает призыв к каждому из нас включиться в борьбу за мир, за лучшее будущее человечества.

Горячими аплодисментами встречают присутствующие оглашение приветственных телеграмм, которые прислали на имя Говарда Фаста председатель Комитета по международным Сталинским премиям академик Скобелев, Советский комитет защиты мира, Антифашистские комитеты советских женщин и молодежи, советские писатели Тихонов, Эренбург, Сурков, Фадеев, Симонов, Леонов, Ползевый и др.

В телеграмме академика Д. В. Скобелева говорится:

Дорогой друг Говард Фаст!

С большим сожалением я и миллионы Ваших друзей в Советском Союзе узнали, что Вы не сможете прибыть в Москву, чтобы лично получить премию.

Как Вы знаете, наш комитет состоит из представителей разных стран мира. Поэтому присуждение Вам премии мира — это признание Ваших выдающихся заслуг не только перед народом Вашей родной страны, горючим патриотом которой Вы являетесь, но и перед народами других стран мира.

Присуждая Вам премию, мы хотели также выразить наши дружеские чувства великому американскому народу. У наших народов нет и не может быть никаких спорных вопросов, — мы можем жить в мире и согласии.

Навсегда останутся в памяти людей имена тех, кто подобно Вам неустанно работает над тем, чтобы обеспечить прочный мир и дружеское сотрудничество между народами.

Шлю Вам наилучшие пожелания здоровья и успехов в Вашей благородной деятельности.

Профессор Дмитрий СКОБЕЛЬЦЫН, председатель Комитета по международным Сталинским премиям

Слово предоставляется д-ру Дюбуа. Сейчас, говорит Дюбуа, как никогда раньше на протяжении всей истории человечества, жизненно необходимо единение мыслей и усилий народов всего мира в борьбе за мир, чтобы защитить человечество от ужасов новой войны. Это необходимо не только для того, чтобы избавить народы от страданий, вызываемых войной, но и для того, чтобы устранить угрозу такой войны, какой еще не знало человечество.

Слово предоставляется д-ру Дюбуа. Сейчас, говорит Дюбуа, как никогда раньше на протяжении всей истории человечества, жизненно необходимо единение мыслей и усилий народов всего мира в борьбе за мир, чтобы защитить человечество от ужасов новой войны. Это необходимо не только для того, чтобы избавить народы от страданий, вызываемых войной, но и для того, чтобы устранить угрозу такой войны, какой еще не знало человечество.

Важная самая идея этой премии, гораздо более важна, чем человек, которому она присуждается. Эта премия называется международной Сталинской премией мира, и я отошел бы от реальной действительности, если бы стал утверждать, тем более здесь, перед столь многими друзьями, что эта премия или имя, которое она носит, находится в большом почете среди людей, правдивых во всех странах. Как всем вам прекрасно известно, верно как раз обратное. Но я думаю, что вы знаете также и то, что мир пользуется почетом и любовью миллионов американцев, пожалуй, почти всех американцев.

Таким образом, важен самый факт присуждения премии, которую я только что получил. Это премия мира. Ничто никогда не может изменить и ничто не изменит этого. И когда, хотя бы на миг, разрывается, отменяется ткань лжи и клеветы, отделяющая нашу страну от Советского Союза, мы видим за этой премией могучую силу, отстаивающую мир для человечества.

Я думаю, что сейчас именно такой момент, по крайней мере здесь, и полагаю, что мы, собравшиеся в этом зале, можем вернуть эту ткань хотя бы на короткое время.

Я сознательно говорю ткань, ибо здесь не желательны занавес, не внушительная каменная стена и не непроницаемый барьер отделяют наш мир от мира социализма. Прошло то время, когда можно было просто подобное разграничение где-либо на земле, и сейчас менее, чем когда-либо, можно провести его между двумя великими силами на земле.

Были люди, очень много людей, которые утверждали, что мы стоим на грани уничтожения человечества и той богатой прекрасной цивилизации, которую создало человечество. Были и такие, кто утверждал, что это уничтожение неизбежно. Я не отрицаю, что мы переживаем мрачное, страш-

ное время. Но я не могу сказать этого, не добавив, что это в то же время яркое и прекрасное время. Если мы стоим у грани уничтожения, то мы стоим также и на пороге чего-то иного, на пороге новой зари, когда людской род во всей его сложности и замечательном многообразии придет к выводу, что он должен жить в мире и братстве, которое будет включать все это многообразие. И мне думается, что мы скорее решим жить вместе, чем умереть вместе, — такова моя надежда и надежда всего человечества.

Я пришел сюда сегодня не для того, чтобы спорить по поводу этих вопросов, формулировать внешнею политику, критиковать внешнюю политику. Я пришел сюда просто для того, чтобы получить премию — премию мира. Эта премия, присужденная мне и многим другим международным жюри, учрежденным Советским Союзом. Если бы у меня не было других причин почитать Советский Союз, то я искренне и глубоко почитал бы его за одно то, что он награждает премию за мир.

Я не понимаю людей, которые говорят, что премия за мир — это не премия за мир. Для таких людей нет начала, а если нет начала, как же возможно завершение в смысле взаимопонимания? А ведь нам необходимо взаимопонимание. Жгучей проблемой нашего времени является мирное сосуществование между нашим миром и социалистическим миром. А это существование, если оно вообще наступит, должно быть основано на взаимопонимании.

А для такого существования есть основания — много оснований. При всем том, что атомная энергия таит в себе угрозу, она влечет также сознание того, что мы лишь едва затронули богатства нашей планеты. Их хватит не только для всех нас, их хватит для несметных тысяч людей грядущих поколений, и какой силой, неопределимой и могучей силой могли бы быть эти наши два отдельных мира, если бы они объединились в мирном общении между народами.

Да, пришла бы весть войны, но войны, которые мы выигрывали бы, которые человечество выигрывало бы. Мы вели бы войну против болезней и смерти бы их изгнали. Мы вели бы войну против старости, голода и нищеты. Мы вели бы

войну против пустынь и превратили бы их в сады. Мы повели бы войну против самого времени и пространства, ибо мы находимся на пороге исполнения давней мечты человека — подняться к звездам и коснуться их руками.

Мы не глупцы, мы народ, в какой бы стране мы не жили; а я никогда не знал народа, который в своем подавляющем большинстве не был бы хорошим, честным и трудолюбивым. На протяжении сотни поколений мы делаем великую и прекрасную мечту, и теперь мы находимся накануне ее исполнения. Конечно, это трудно, но может ли что-либо столь прекрасное, столь огромное и столь героическое не быть трудным? У нас есть дети, и мы тревожимся за своих детей, ибо человеческая жизнь настолько же в долгу у будущего, как и у прошлого. Неужели мы скажем нашим детям, что только потому, что путь к миру был трудным, мы прекратили борьбу и оставили их в наследие пещице? Я думаю, нет. Я думаю, мы будем бороться за мир, и полагаю, что мы выиграем борьбу за мир, ибо, добившись мира, мы добьемся всего, к чему когда-либо стремилось человечество.

Это не просто мечта. Я знаю, что здесь, в Америке, есть дурные люди, которые замыслили войну и готовят войну и которые не поддают сил, чтобы удержать человечество в состоянии кризиса. Но эти дурные люди замалчиваются на жизнь и надежды всего человечества. И не только народы других стран, но и народ мой страны вновь и вновь заявляют им: «Нет! Мы не хотим войны! Мы будем жить в мире!»

Такова наша эпоха, и поэтому вручение этой премии миссу здесь, в Америке, имеет особое значение. Оно означает для нас, американцев, что брошен вызов во имя мира. Мы должны принять этот вызов и либо показать, что миллионы миролюбивых американцев имеют больший вес в нашей стране, чем атомные министры, либо отказаться, чтобы позор и ужас стали нашим уделом на многие и многие поколения.

Мы думаем, что мы согласимся на этот позор и ужас; и скорее считаем, что американский народ выступит вместе с народами всего земного шара против войны, за мир.

В такое время, продолжает Дюбуа, международное жюри присудило Говарду Фасту премию мира. Комитет по международным Сталинским премиям хотел вручить ему премию лично в Москве, в Кремле, но государственными департамент отказал выдать Фасту паспорт для поездки в Советский Союз, поэтому председатель Комитета по международным Сталинским премиям академик Скобелев, Советский комитет защиты мира, Антифашистские комитеты советских женщин и молодежи, советские писатели Тихонов, Эренбург, Сурков, Фадеев, Симонов, Леонов, Ползевый и др.

В телеграмме академика Д. В. Скобелева говорится:

Доктор Дюбуа рассказывает о жизненном пути и творчестве Говарда Фаста. Фаст боролся и неустанно борется за выделение идеала американского народа, за мир между народами. Он был, говорит Дюбуа, одним из основных организаторов конгресса в защиту мира в Нью-Йорке в 1949 году, на котором собрался вместе известные деятели всей Европы и Азии, Африки и Америки. Фаст принимал участие в великом международном конгрессе защитников мира в Париже. За эту неустанную деятельность Говард Фаст подвергся гонениям в США. Он был заключен в тюрьму за то, что отказался стать правительственным должником. У него отобран паспорт. Его пытались изгнать с общественной трибуны. Фасту отказали в издании его произведений в Соединенных Штатах. Результаты этого преследования уже сказались на его здоровье. Но все это не подало Говарда Фаста. Он осуждал нарушение гражданских прав в США, выступил против атомного и водородного оружия. Нет другого человека в Америке, который был бы более достоин звания лауреата международной Сталинской премии, чем Говард Фаст.

После этих слов д-р Дюбуа, под бурные аплодисменты присутствующих вручает Говарду Фасту диплом и золотую медаль лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Говард Фаст, говорит Робсон, является воплощением той чести Америки, тех десятков миллионов американцев, которые стоят за мир, за свободу и равенство всех людей.

С ответным словом выступил лауреат международной Сталинской премии Говард Фаст.

С ответным словом выступил лауреат международной Сталинской премии Говард Фаст.

Выступление Говарда Фаста

То, что человек говорит в подобный момент, сказал Фаст, никогда не может быть столь многозначительным, как самый повод, ибо он имеет гораздо более глубокий смысл. Я награжден премией за содействие укреплению мира между народами на земле, и я благодарен, глубоко тронут и горжусь этим.

Важная самая идея этой премии, гораздо более важна, чем человек, которому она присуждается. Эта премия называется международной Сталинской премией мира, и я отошел бы от реальной действительности, если бы стал утверждать, тем более здесь, перед столь многими друзьями, что эта премия или имя, которое она носит, находится в большом почете среди людей, правдивых во всех странах. Как всем вам прекрасно известно, верно как раз обратное. Но я думаю, что вы знаете также и то, что мир пользуется почетом и любовью миллионов американцев, пожалуй, почти всех американцев.

Таким образом, важен самый факт присуждения премии, которую я только что получил. Это премия мира. Ничто никогда не может изменить и ничто не изменит этого. И когда, хотя бы на миг, разрывается, отменяется ткань лжи и клеветы, отделяющая нашу страну от Советского Союза, мы видим за этой премией могучую силу, отстаивающую мир для человечества.

Я думаю, что сейчас именно такой момент, по крайней мере здесь, и полагаю, что мы, собравшиеся в этом зале, можем вернуть эту ткань хотя бы на короткое время.

Я сознательно говорю ткань, ибо здесь не желательны занавес, не внушительная каменная стена и не непроницаемый барьер отделяют наш мир от мира социализма. Прошло то время, когда можно было просто подобное разграничение где-либо на земле, и сейчас менее, чем когда-либо, можно провести его между двумя великими силами на земле.

Были люди, очень много людей, которые утверждали, что мы стоим на грани уничтожения человечества и той богатой прекрасной цивилизации, которую создало человечество. Были и такие, кто утверждал, что это уничтожение неизбежно. Я не отрицаю, что мы переживаем мрачное, страш-

ное время. Но я не могу сказать этого, не добавив, что это в то же время яркое и прекрасное время. Если мы стоим у грани уничтожения, то мы стоим также и на пороге чего-то иного, на пороге новой зари, когда людской род во всей его сложности и замечательном многообразии придет к выводу, что он должен жить в мире и братстве, которое будет включать все это многообразие. И мне думается, что мы скорее решим жить вместе, чем умереть вместе, — такова моя надежда и надежда всего человечества.

Я пришел сюда сегодня не для того, чтобы спорить по поводу этих вопросов, формулировать внешнею политику, критиковать внешнюю политику. Я пришел сюда просто для того, чтобы получить премию — премию мира. Эта премия, присужденная мне и многим другим международным жюри, учрежденным Советским Союзом. Если бы у меня не было других причин почитать Советский Союз, то я искренне и глубоко почитал бы его за одно то, что он награждает премию за мир.

Я не понимаю людей, которые говорят, что премия за мир — это не премия за мир. Для таких людей нет начала, а если нет начала, как же возможно завершение в смысле взаимопонимания? А ведь нам необходимо взаимопонимание. Жгучей проблемой нашего времени является мирное сосуществование между нашим миром и социалистическим миром. А это существование, если оно вообще наступит, должно быть основано на взаимопонимании.

А для такого существования есть основания — много оснований. При всем том, что атомная энергия таит в себе угрозу, она влечет также сознание того, что мы лишь едва затронули богатства нашей планеты. Их хватит не только для всех нас, их хватит для несметных тысяч людей грядущих поколений, и какой силой, неопределимой и могучей силой могли бы быть эти наши два отдельных мира, если бы они объединились в мирном общении между народами.

Да, пришла бы весть войны, но войны, которые мы выигрывали бы, которые человечество выигрывало бы. Мы вели бы войну против болезней и смерти бы их изгнали. Мы вели бы войну против старости, голода и нищеты. Мы вели бы

войну против пустынь и превратили бы их в сады. Мы повели бы войну против самого времени и пространства, ибо мы находимся на пороге исполнения давней мечты человека — подняться к звездам и коснуться их руками.

Мы не глупцы, мы народ, в какой бы стране мы не жили; а я никогда не знал народа, который в своем подавляющем большинстве не был бы хорошим, честным и трудолюбивым. На протяжении сотни поколений мы делаем великую и прекрасную мечту, и теперь мы находимся накануне ее исполнения. Конечно, это трудно, но может ли что-либо столь прекрасное, столь огромное и столь героическое не быть трудным? У нас есть дети, и мы тревожимся за своих детей, ибо человеческая жизнь настолько же в долгу у будущего, как и у прошлого. Неужели мы скажем нашим детям, что только потому, что путь к миру был трудным, мы прекратили борьбу и оставили их в наследие пещице? Я думаю, нет. Я думаю, мы будем бороться за мир, и полагаю, что мы выиграем борьбу за мир, ибо, добившись мира, мы добьемся всего, к чему когда-либо стремилось человечество.

Это не просто мечта. Я знаю, что здесь, в Америке, есть дурные люди, которые замыслили войну и готовят войну и которые не поддают сил, чтобы удержать человечество в состоянии кризиса. Но эти дурные люди замалчиваются на жизнь и надежды всего человечества. И не только народы других стран, но и народ мой страны вновь и вновь заявляют им: «Нет! Мы не хотим войны! Мы будем жить в мире!»

Такова наша эпоха, и поэтому вручение этой премии миссу здесь, в Америке, имеет особое значение. Оно означает для нас, американцев, что брошен вызов во имя мира. Мы должны принять этот вызов и либо показать, что миллионы миролюбивых американцев имеют больший вес в нашей стране, чем атомные министры, либо отказаться, чтобы позор и ужас стали нашим уделом на многие и многие поколения.

Мы думаем, что мы согласимся на этот позор и ужас; и скорее считаем, что американский народ выступит вместе с народами всего земного шара против войны, за мир.

Войну против пустынь и

КАК ПЫТАЮТСЯ „ЗАТКНУТЬ РОТ“ ФРАНЦУЗСКИМ ВОЕННЫМ

Джозеф СТАРОБИН, американский журналист

НАСТРОЕНИЯ В США НАКАНУНЕ ЖЕНЕВСКОГО СОВЕЩАНИЯ

Международная почта

— Как относятся военнослужащие французской армии к плану создания «европейского оборонительного сообщества» и «европейской армии»?

Любопытное свидетельство, проливающее свет на настроения французских военных, можно найти на страницах буржуазной газеты «Комба». Эта газета на днях напечатала статью А. Нисселя, рассказывающую о том, как правящие круги Франции пытались «заткнуть рот» противникам «европейского оборонительного сообщества» в рядах французской армии.

«Когда стал известен проект договора о европейском оборонительном сообществе, — пишет автор статьи, — многие кадровые офицеры сразу же увидели кроющуюся в нем опасность. Военная дисциплина мешала им публично провозгласить свои убеждения. Многие из них обратились к министру с устными или письменными замечаниями, запрашивая разрешения выступить в печати с изложением своей точки зрения. Однако их замечания не были приняты во внимание и разрешение на их опубликование не было дано. Многие офицеры, занимавшие в Париже важные посты и известные как противники договора, были удалены с этих постов».

Как уже сообщалось, подобные санкции были приняты французским правительством против маршала Жоена, высказывавшегося против «европейской армии». Однако все эти меры несколько не помогли «обуздать непокорных». Французская печать сообщает, что ведомство военного министра Шаевна чрезвычайно обеспокоено «тревожными сигналами, показываемыми, как нечувствительными к европейскому оборонительному сообществу».

Недовольство французских военнослужащих проявляется все более бурно и открыто. Редакция французского «еженедельника «Обсерватор д'Ожурдон» (с 22 апреля выходит под названием «Франс-обсерватор») решила выяснить, каковы сейчас настроения среди кадрового состава армии. Она обратилась к французскому офицеру, как указывает редакция, «в высшей степени компетентному в этом вопросе». Ответ был таков: **75 процентов военнослужащих французской армии отвергают договор о «европейском оборонительном сообществе».**

Вслед за маршалом Жоеном снова выступил с резкой критикой договора о «европейском оборонительном сообществе» генерал де Голь. Против «европейской армии» высказались известные во Франции военные деятели: генералы Кениг, Монаеабр, Катру, Ниссель, Копа, Туза дю Вижье, Ревар, Нишо, Тригон-Дюма, Антуан. Еженедельник «Обсерватор д'Ожурдон» называет в числе противников договора также генерала Зеллера — военного губернатора Парижа и адмирала Номи — начальника штаба военно-морского флота.

Французская печать подчеркивает, что наиболее рьяные сторонники европейского «спяса» оказались в недовольном положении. «Как можно было предположить, — так можно было предположить, — что в согласии нации, создающей возможность легкой ратификации, не обеспечив в первую очередь присоединения французской армии к этой точке зрения, не удостоверившись предварительно в согласии ее руководителей!» — с возмущением писал в буржуазной газете «Монд» бывший министр Жан Менье.

Но напропуск господина Жан Менье упрекал современных правителей Франции в «непредусмотрительности». За последние два года личный состав армии подвергается усилению «европейской обработке». В непрерывных лекциях и докладах указываются «премущественно» служения под началом гитлеровских генералов. Однако все большее число военных — от солдат до генералов — решительно заявляют: договор о «европейской армии» должен быть отклонен!

В письме деятелей Союза бывших фронтовиков к депутатам французского парламента, подписанном большой группой генералов, прямо говорится, что этот договор означает «разрушение французской армии, распад французского Союза и, в конечном счете, упадок Франции и ее закабаление».

Итак, народ против «европейского оборонительного сообщества» и «европейской армии», французские военные — против. Поистине, нужна героическая доза безразличия, чтобы в таких условиях отстаивать эти американские проекты.

За последний месяц в общественном мнении США происходят глубокие сдвиги. Этому способствует нынешний внешнеполитический курс правительства США, вызывающий тревогу общественности. С момента разгара военных действий в Корее американский народ еще ни разу не находился в атмосфере подобной тревоги, страха и неуверенности. Однако имеется существенное различие между тогдашней и нынешней обстановкой. Сейчас общественность уже заранее, во много раз решительнее, чем когда-либо, настроена против влечения США в войну. Иными словами, корейский опыт послужил весьма основательным уроком.

Не будет преувеличением сказать, что политика государственного секретаря Джона Фостера Даллеса накануне Женевского совещания не пользовалась поддержкой широких слоев американского народа. Отчаянные попытки правящих кругов сорвать совещание в Женеве, помешать успеху переговоров привели к неожиданному для них результату — население Америки глубоко задумалось над насущными проблемами современности. Не дожидаясь, пока представители великих держав займут места за круглым столом в Женеве, американцы стали обсуждать международные проблемы и самым недвусмысленным и резким образом высказывать свое суждение по этим проблемам.

Обострение индо-китайской проблемы произошло в дни, когда простые люди находились под впечатлением известия о взрыве водородной бомбы на Тихом океане. Оба эти события в сознании рядового американца оказались тесно связанными.

Даллес рассчитывал, что испытания водородной бомбы, производившиеся на Тихом океане, обеспечат ему «твердую руку» на Женевском совещании, помогут «нагнуть страх» на Китай и Советский Союз и оказать нажим на колеблющихся союзников США в Западной Европе. Но в действительности самый большой страх это событие внушило американцам. А сильнее всего пострадала от взрыва водородной бомбы политика Даллеса, угрожавшего Советскому Союзу и Китаю «массированным ударом» в случае, если хот мировых событий будет негоден правящим кругам США.

Средний американец, видимо, уразумел, что если США начнут сбрасывать бомбы на другие государства, обладающие такими же бомбами, то «массированный удар» может оказаться весьма опасным для самих Соединенных Штатов. Для многих стало ясно, что политика, базирующаяся на подобных методах, не может разрешить ни одной проблемы и уж никак не укрепит американских позиций в индо-китайском вопросе. Эта точка зрения в настоящее время сделала достоянием рядовых американцев. При этом следует учитывать, что еще совсем недавно известная часть американцев, которым систематически внушали, что они являются «лидерами мировой политики», попросту не знала, где находится Индо-Китай. Теперь же мистер Даллес и вице-президент Ричард Никсон предлагают им быть готовыми к перспективе отправки американской молодежи на смерть в Индо-Китай.

Когда Даллес в своей речи в конце марта объявил об усилении агрессивной политики вмешательства, о борьбе за достижение ренессансных военных результатов в Индо-Китае, он предполагал одним ударом достичь сразу многих целей. Он надеялся оказать нажим на Францию. Он хотел во что бы то ни стало помешать ей вести какие-либо серьезные переговоры в Женеве; он думал запугать народный Китай и Советский Союз; он желал угодить тем сенаторам-республиканцам, которые подвергли критике государственного секретаря во возвращении к Берлинскому совещанию». Мистер

Речь идет о крайне правом и наиболее агрессивном из всех республиканских партий, которое всегда открыто выступает против малейших признаков ослабления международной напряженности. — Ред.

Вмешательство США в Индо-Китае. Слева: американские танки на поле боя. Справа: войска колонизаторов воюют американским оружием

Снимки из американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»

Даллес намеревался также создать вокруг политики «объединенных действий» в Индо-Китае какое-то «национальное единство». Все вместе должно было обеспечить ему инициативу в Женеве и помочь ему стать хозяином положения, определяющим курс событий.

Едва ли можно считать, что нажим государственного секретаря на своих союзников принес ему больше лавры. Скорее, наоборот. И в самих Соединенных Штатах мистер Даллес буквально открыл свои последние ресурсы, чтобы поддержать курс событий.

Едва ли можно считать, что нажим государственного секретаря на своих союзников принес ему больше лавры. Скорее, наоборот. И в самих Соединенных Штатах мистер Даллес буквально открыл свои последние ресурсы, чтобы поддержать курс событий.

Голос сомнения в правильности внешнеполитического курса Даллеса раздаются и во влиятельных буржуазных кругах. Во время недавнего съезда весьма могущественной американской ассоциации издателей газет издатель Роберт Маккормик, известный своими крайними правыми взглядами, критиковал вице-президента Никсона, пристыженного «пробный шар» относительно отправки американских войск в Индо-Китай. С такой же критикой выступил и Франк Ганнетт, владелец целого ряда крупных республиканских газет, обычно поддерживающих правительство.

В самом конгрессе попытки мистера Даллеса создать вокруг своей политики «единство» не имели успеха. Мнения сенаторов-республиканцев разделились, против Даллеса выступают также многие демократы. Конечно, все они очень желали бы найти какой-нибудь способ завоевать господство над народами Индо-Китае. Некоторые из них призывают убедить французских колонизаторов в том, что им самим следует подчиниться статусу американской колонии и, одновременно, продолжать войну в Индо-Китае. США же будут посылать им военные материалы. Другие полагают, что, перед тем как назначить прямая американская интервенция, необходимо для обмена общественности дать Индо-Китаю фальшивый листок «независимости». По их мнению, это облегчит США возможность захватить господство на всей территории страны и вытеснить оттуда французских колонизаторов. И все же число сенаторов, открыто и последовательно поддерживающих курс Даллеса на расширение войны в Индо-Китае, сравнительно невелико. Дело в том, что индо-китайская война не популярна в народе. А между тем в стране уже началась подготовка к ноябрьской избирательной кампании. Ни один из сенаторов не хочет «терять Индо-Китай», как они выражаются. Но никому из них также не хочется терять голоса во время выборов в конгресс.

Один мой приятель, молодой солдат, находившийся в военном лагере на юге США, рассказал мне об общем настроении рядовых американцев. Он говорит, что его товарищи-солдаты возмущены всей этой историей с Индо-Китаем. Большинство из них опасается, что их завтра же могут отправить в Индо-Китай. Но эта перспектива лишь приводит их в ужас.

Конечно, волна недовольства нынешней американской политикой не приняла сколько-нибудь четких форм; в США и сейчас страх, тревога и протест не вылились еще в организованное массовое движение. Однако в нашей жизни произошли за последние недели весьма существенные перемены. Представители самых различных слоев населения поднимают свой голос против проволочного сейчас губительного внешнеполитического курса. Какой бы позиции ни придерживался мистер Даллес в Женеве, точка зрения американского народа ясна: не допустить «второй Кореи» в Индо-Китае.

НЬЮ-ЙОРК, 23 апреля. (По телеграфу)

Вмешательство США в Индо-Китае. Американские самолеты на французском аэродроме

Снимок из американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»

АДЕНАУЗР ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ...

Из газет известно, что недавно в Бельгии состоялся парламентский выборы в палату депутатов и в сенат. Как водится, к выборам предшествовали недели кипучей избирательной активности буржуазных политических партий.

Можно смело сказать: все, что они делали, задаривая избирателей с помощью «станционных вечеров», «угощений» и «подарков», в общем не отличалось изобретательностью и не выходило за рамки стандартных приемов буржуазной «демократии». Но на одно «эффективное» средство, несомненно, американско-бонского образца, правящие круги уповали, наверное, больше всего. Мы имеем в виду сообщения о том, что по фламандским провинциям Бельгии буквально день и ночь разезжала колонна автомашин, привозящая — откуда? — из Западной Германии.

Бельгийская газета «Пель» протронула завесу над этой пропагандистской затеей и объяснила, что к чему. Оказывается, автомашины, оборудованные мощными репродукторами и другими средствами пропаганды, принадлежат западногерманскому коммерческому концерну «Мобильвербунд». В прошлом году ими пользовались Аденаузэр и его партия (ХДС) на выборах в боннской «крупнице». Ныне Аденаузэр прислал «автоколонну» на подмогу своим бельгийским единомышленникам — приверженцам социально-христианской (католической) партии. Любопытная деталь: бельгийские власти пропустили ее через границу без оплаты пошлины и без соблюдения прочих пограничных процедур. Сообщая о том, что «автоколонна Аденаузэра» стоит более семи миллионов франков, «Пель» задает вопрос: кто будет оплачивать эти услуги? Очевидно, бельгийские налогоплательщики...

А как велики при таких расходах итоги пропагандистских усилий бельгийской реакции? Коротко говоря, для правительственной социально-христианской партии они свелись вот к чему: она потеряла значительное число голосов и утратила абсолютное большинство в парламенте. Против этой партии, как подчеркивает газета «Драно руж», голосовали сотни тысяч рядовых избирателей. Выходит, если без труда раскусить превьюшные трюки ее лидеров, а главное — отвергли политическое подчинение своей страны «европейскому оборонительному сообществу».

В печати сообщается о том, что недалеко от времени, когда «автоколонна Аденаузэра» будет направлена в Италию, во Францию и в Голландию, словом, в страны, охваченные широким народным движением протеста против планов создания «европейского оборонительного сообщества». Но разве не ясно, что и в этих странах посланцев западногерманских реваншистов ожидает точно такой же прием, как и в Бельгии.

ЕОС — «европейское оборонительное сообщество»

Германия, Германия превыше всего. Рисунок художника Миттельберга из французской газеты «Юманите»

НОВЫЙ РЕКОРД СТРАХА ПЕРЕД СЛОВОМ „МИР“

«Не является ли в парижском телевизионном центре слово «мир» священным словом такой степени, что его запрещено провозгласить?» Вот вопрос, который задал себе Мишель Фавье-Леду, обозреватель из французского еженедельника «Леттр франсез», просмотрев недавно по телевизору фильм «Олимпиада, 52».

Этот вопрос возник не у одного Мишеля Фавье-Леду. Над ним не задумались только те, кто не был ранее знаком с демонстрировавшимся фильмом и, таким образом, не мог уличить парижский телевизионный центр в жульнической махинации, проделанной над этой документальной картиной, записанной французскими кинооператорами Маркером и Домезалье во время последних Олимпийских игр в Хельсинки.

Нельзя сказать, чтобы фильм от начала до конца внушал беспокойство господам из телевизионного центра. Речь идет, собственно, только о конце. Постановщики фильма завершили свою картину следующими словами: «Олимпийские игры — не только всемирный чемпионат. Это — праздник молодости и мира. А мир сегодня кое-что значит».

Эта финальная реплика вела некоторых французских поклонников Маккарти во искушение. Пристойно ли парижскому телевидению выступать с подобной речью утверждениями? Не лучше ли употребить против идеи мира один из простейших видов оружия — ножицы — и удавить «крамольные» кадры?

Парижский телевизионный центр стал ареной борьбы между элементарной честностью и духом маккартизма. Победа осталась за последним, и ножицы были пушены в ход.

Газета «Леттр франсез» сообщила об этом своеобразном новом рекорде страха перед словом «мир». По непроверенным данным, сенатор Маккарти направил в адрес парижского телевизионного центра лавровой венок.

ПОСЛОВИЦА И ЖИЗНЬ

Нетрудно догадаться, о чем здесь идет речь: заморозки и холодный ветер сменяются к концу месяца мягкой солнечной погодой. Однако американская действительность вносит в эту пословицу свои коррективы: март в Соединенных Штатах — это месяц,

когда с населения взимаются налоги за истекший год. Вот рисуют, который мы заимствуем из американской буржуазной газеты «Буффало иннинг ньюс».

Рисунок из американской буржуазной газеты «Буффало иннинг ньюс»

рого написано «Март». Страшные острые клыки — это буквы, составляющие два слова: «Подходный налог». Еще мгновение, и лев проглотит дрожащего от страха человека со всем его домом и имуществом из Гурьей иронией звучит подпись под рисунком: «Кто тут говорил о ягненке?»

ЛЮДОЕДЫ ИЗ ГРАЦА

В городе Граце выходит газета «Юд-ост-тагесштат» — орган так называемой «народной партии Австрии». В то время как все честные люди мира борются за смягчение международной напряженности и требуют объявить вне закона оружие массового уничтожения, «Юд-ост-тагесштат» призывает «примириться... с непрерывно совершенствующимся атомным оружием и с тем страхом, который оно распространяет». Более того, газета прямо заявляет, что это оружие должно быть направлено против Советского Союза. «Насколько опасен этот путь», — пишет газета, — настолько заманчива цель! По мнению «Юд-ост-тагесштат», существующие противоречия «нельзя устранить до сих пор применявшимися средствами: конференциями, дипломатическими переговорами и т. д. Надо искать новые пути, новые средства... Какие же средства имеет в виду газета? Это — атомная бомба и связанные с ней ужасы. Если старые пути ни к чему не привели, не нужно бояться опасности вступить на новый путь».

Отдают ли себе отчет людоеды из Граца в том, что «новый путь» — это и есть тот самый старый путь, которым они когда-то шли за Гитлером? Или людоедары чекки совсем помutilи разум уже не раз битых австрийских милитаристов?

ФАШИСТСКИЙ ГЕНЕРАЛ — ИЗДАТЕЛЬ

При ведостве Бланка-бонского военного министерства — создана должность официального «издателя» для германских вооруженных сил. Назначен на эту должность господин Болю Циммерман, бывший гитлеровский генерал, один из ближайших помощников фельдмаршала Рундштедта. «Как только будет подписан договор о «европейском оборонительном сообществе», — пишет лондонская газета «Трибюн», — он начнет издавать «послания» для германской армии».

Характере этих «посланий» можно получить представление по высказываниям самого Циммермана, которые приводятся в газете «Дейли экспресс». «С моей точки зрения», — заявляет Циммерман, — война неизбежна, и та сторона, которая первой обрушит всю силу атомного оружия, победит. Будущее принадлежит тому, кто первым развяжет превентивную войну».

Не стоит полагивать, что битым гитлеровским генералом. Всем известно, что означает на языке агрессоров «превентивная война», и все хорошо помнит, чем она кончилась для Гитлера и его клики. Характерно, однако, что высказывания Циммермана вызвали возмущение даже в английской буржуазной печати. Так, например, газета «Трибюн» пишет по этому поводу, что представления германской политики о «предполагаемой германской армии» сильно отличаются от тех утешительных теорий, которые пропагандировали Антони Иден и Герберт Моррисон».

Заговорщики открытым языком агрессивности, бонские реваншисты пуляют карты английских адвокатов вермахта.

Смесь

Мракобесие на экспорт. Недавно в Лондоне в сотрудничестве с английскими агентами мощными побирав американским еженедельником славянин Вилли Грехэм. Проводил он для английских прихожан были организованы с чисто американским размахом они транслировались по радио и передавались по телевизору. Официально было объявлено, что миссис Грехэм носит чисто религиозный характер. Однако, как сообщает английская газета «Дейли миррор», он посетил часть своей проповеди вопросам внешней политики и даже пригласил к алтарю двух американских сенаторов — Бриджеса и Саймонитона, путешествовавших по Европе уже отнюдь не в качестве простых туристов. Отсюда ясно, почему хозяева разбитого проповедника не пожелали средств на его гастроли.

Американские «просветители». В столице Ливана — Бейруте давно уже существует «американский университет», щедро субсидируемый из-за океана. Что же преподает в этом учебном заведении? Прогрессивная ливанская газета «Ас-Сарха» рассказывает: «Американский университет основан для того, чтобы осуществлять империалистические принципы обучения молодежи... Преподавание экономики основано здесь на пустых, реакционных теориях, враждебных вокруг одного пункта: война, мол, неизбежна для разрешения экономических и социальных проблем. Студенты торгового отделения обучаются здесь тому, как эксплуатировать рабочих и крестьян. Студенты физического и химического отделений учатся делать научные открытия, которые будут использованы в войне и разрушении».

Чесер под запретом. Как сообщает английская газета «Трибюн», полицейское управление Скотленд-ярд ныне занимается проверкой книг с точки зрения их благопристойности. Полицией самым поручено просматривать книги, привезенные авторами к ответственности и предостерегать издателей. Однако заданная эта овалася нелегкой: среди книг, которые новосочиненные «литературоведы» из Скотленд-ярда признали «опасными» для молодежи, значатся «Кентерберийские рассказы» английского классика Джеффри Чосера, умершего, как известно, пять с половиной столетий тому назад.

Читая Петефи...

Четырехтомное собрание сочинений Шандора Петефи, законченное Государственным издательством художественной литературы в прошлом году, дает читателю много радости. Страстная, правдивая, красочная, реалистическая поэзия Петефи не оставляет равнодушным ни одного человека. Любовь к Венгрии, любовь к свободе, мысли о счастье и братстве людей найдены в ней чудесное воплощение.

Если бы случилось раскрыть том Петефи читателю толка кардинала Миндентина или кому-нибудь из кровавых американских богатеев, в угоду которым прессыященный готовил разговор против Венгерской Народно-Демократической Республики, то он захлопнул бы книгу с яростной злобой, с пеной у рта, а также и со страхом. Вель и смелее более после своей смерти венгерский поэт обличает их козни против свободы и счастья миллионов людей, их гнусные преступления; после своей смерти он продолжает сражаться против врагов народа и человечества.

Герцен мысленно видел героя бессмертной комедии Грибоедова на Сенатской площади, среди декабристов. Поэт Эдир Али — современник Шандора Петефи — был уверен, что Петефи сражался бы на баррикадах Парижской Коммуны.

А ведь получилось еще чудеснее! Петефи стал поэтом возрожденной Венгрии, борясь за новый справедливый строй во всем мире. Его сердечный и глубокий лиризм, обличительный пафос, безстрашие в борьбе против врагов народа снова и снова

привлекают сердца людей к его творчеству. Новое издание сочинений Шандора Петефи на русском языке красноречиво говорит о возросшем прекрасном мастерстве русских поэтов-переводчиков, о великой роли русского языка при освоении мировой литературы для миллионов читателей различных масс самых разных народов, о дружбе и сотрудничестве народов, которые выросли и расцвели в стране социализма.

Русские советские поэты успешно трудятся над переводами произведений советских национальных литератур, мировой классики и современной зарубежной поэзии. Советские читатели хотят иметь переводы, отвечающие многим и разнообразным требованиям, — и вот появляются новые переводы пьес Шекспира, Гёте, Гюго, «Фауста», Данте, испанцев, Бернс. Только в нашей стране имеется возможность вслед за третьим переводом той или другой вещи издавать четвертый и пятый, чтобы прочесть подлинник и передать его на русский язык с наибольшей точностью и близостью к оригиналу.

С особой радостью мы знакомимся с литературой стран народной демократии. Правда, и раньше читатели русских прогрессивных журналов знали Конопницкую и Ожешко, Вазова, Петефи и многих других, но совершенно другой размах благородный переводческий труд получил в советское время. Мне, латыни, русские переводчики лат в руки книги венгерца Петефи, чинидя Неруны, турка Хикмета, румына Салюана, китайца Го Мо-жа, чеха Пезвала, совершенно сказочно расширяя доступный познанию мир.

Переводческим кадрам Латвии пока еще не по силам переводы с латвийского языка.

Вот, почти рядом со мной живут эстонские поэты Юхан Шмууд, Яан Кларнер, Лебора Вааранд, но прекрасным языком их владеет среди латышских писателей лишь двое или трое. Однако мы знаем эстонских поэтов по переводам на русский язык. Стихи и поэмы, рассказы, статьи, дневники и письма Петефи, одного из самых замечательных мировых поэтов XIX века, читают русские и украинцы, латыши и литовцы, армяне и таджики, звенки и улмуры. Известность талантливого венгерца теперь становится поистине мировой.

Роль русского языка, как одного из языков, связующих человечество, становится еще важнее и яснее, если подумать о том, что с творчеством латыша Андрея Упита, абхаца Дмитрия Гула, таджика Салридина Айна, литовского классика Донелайтиса и поэта наших дней Теофила Тильвингиса и еще многих, многих писателей в Китае и Корее, Чехословакии и Болгарии и других странах читатели также знакомятся по переводам с русского языка. Русский язык — это та вершина, с которой руды и реки поэзии текут во все стороны мира к великому морю человечества.

Строки Петефи прекрасно звучат на русском языке. О близости к подлиннику не могу судить, — наверно, не все переводы равноценны, может быть, ошутим и некоторые разности в толковании чувств и передаче образов поэта. Но такого Петефи, каким он встает со страниц нового русского издания, читатель крепко полюбил. Да, таким мы его и представляем — пламенного и грозного, нежного и язвительного, неразрывно связанного с малярской землей, с народом, его языком и фольклором.

История жизни Петефи, прекрасной и трудной, характеристика его большого творческого пути и картина напряженной идейной борьбы вокруг его наследия предстают перед советским читателем в обстоя-

тельном предисловии А. Гидаша, которое расширяет наши представления о великом поэте Венгрии.

Переводы С. Маршала, Н. Тихонова, Б. Пастернака, В. Инбер, М. Исаковского, В. Левика, Л. Мартынова (главного самого большого количества переводов), Н. Чуковского, М. Замахонской, В. Звягинцевой, И. Мирянского, С. Образцова и А. Ромжа показывают Петефи во всей его многогранности. Разностороннее и гибкое мастерство русских поэтов-переводчиков стало могучим оружием для утверждения и расширения культурных связей со странами народной демократии и всего мира, прекрасным средством в борьбе за мир во всем мире. Классики и наши современники, Мицкевич и Тувим, Петефи и Али и Дьюла Йеши, сражаются вместе с советскими поэтами за братство народов.

Петефи пользовался известностью и раньше у латышских прогрессивных писателей в конце прошлого и начале нынешнего века, во время первой революции 1905 года. Будущий революционный публицист, переводчик и популяризатор науки Янис Асаре еще школьным переводом роман Петефи «Петля алтачач»: к Петефи обратился Райнис. Переводился тогда его произведение с русского и немецкого языков. Совершенно о нем позабыли в Латвии в буржуазное время, и свое возрождение он переживает у нас теперь. В 1949 году, отмечая сотую годовщину его смерти, латышские газеты и журналы поместили статьи о Петефи и его стихах, и при их переводе русский язык снова стал связующим звеном. Новое четырехтомное издание сочинений Шандора Петефи на русском языке сближает нас, как и всех наших советских братьев, с венгерским народом. Восхищенные, мы глядя на прекрасное лицо возрожденной Венгрии.

Ян СУДРАБАКЛН